

Сяо Жун, засунув руки в карманы, лениво протянул напоследок:

— Куриный бульон в ближайшее время пить нельзя. Если я узнаю, что ты ослушался...

Пауза, последовавшая за этими словами, оставляла простор для воображения.

Бай Цзыянь, увидев, что Сяо Жун собирается уйти, поспешно окликнул его:

— Старший брат, может, мне стоит расспросить господина Сяо, что вам сейчас можно есть, а что нельзя, чтобы я снова не наделал ошибок?

— Иди, — Гу Чжисинь опустил взгляд и умолк.

Бай Цзыянь быстро вышел из комнаты и нагнал Сяо Жуна:

— У моего брата довольно замкнутый характер, порой он бывает непредсказуем. Надеюсь, вы проявите терпение.

Он добавил с гордостью, словно гордился тем, что может прислуживать Гу Чжисиню:

— К тому же он очень разборчив в еде и часто ест только то, что приготовил я.

Затем он осторожно добавил:

— Если он не захочет делать иглоукалывание, не заставляйте его, пожалуйста. Он очень боится боли.

При этом Бай Цзыянь шутливо высунул язык, стараясь выглядеть мило и озорно. По сравнению с мрачным и холодным Гу Чжисинем, Бай Цзыянь напоминал солнечный свет, легко приковывая к себе взгляды окружающих.

— О, я понял, — Сяо Жун даже не поднял глаз, всем своим видом показывая, что не намерен тратить время на Бай Цзыяня.

Но кое-кто был настолько бесцеремонен, что не упускал случая блеснуть своим обаянием.

— Я в семье Гу отвечаю за кухню. Если вам что-то понадобится, то...

— Ты отвечаешь за закупки в семье Гу? — неожиданно перебил его Сяо Жун.

Бай Цзыянь на мгновение опешил:

— Нет, не совсем.

— Если нет, то почему я должен обращаться к тебе? Ты мой начальник? Ты платишь мне зарплату? — отчеканил Сяо Жун три вопроса подряд.

— Я... — Бай Цзыянь не ожидал, что Сяо Жун настолько помешан на деньгах, и в душе пренебрежительно фыркнул.

Внешне он изобразил дружелюбие:

— Хотя я и не плачу вам зарплату, я всё же член семьи Гу, поэтому...

— Ясно, — Сяо Жун ускорил шаг, раздражённо добавив: — Ты слишком шумный.

С этими словами он направился в сторону комнаты, где жил его предшественник.

Бай Цзыянь остался стоять на месте, его лицо сменило целую гамму красок, выглядело это весьма примечательно.

Он мрачно прошептал:

— Система, посчитай показатель симпатии.

Система отозвалась:

— В данный момент показатель симпатии Гу Чжисиня к тебе равен шестидесяти, Хань Чжэфэна — семидесяти, дяди Фу — пятидесяти...

Перечислив список имён, Бай Цзыянь нетерпеливо спросил:

— А этот Сяо Жун? Где его показатель симпатии?

Система, с которой он был связан, позволяла покорять людей кулинарным мастерством, зарабатывая баллы симпатии, которые можно было обменять на артефакты. Стоило применить такой предмет на нужного человека, как тот начинал обожать его и преданно заглядывать в рот. Чем хуже было отношение к нему, тем сильнее Бай Цзыяню хотелось покорить этого человека и превратить его в своего верного пса.

Система Яояо Сы промолчала. Как она могла не считать симпатию Сяо Жуна?

Яояо Сы солгала:

— Показатель симпатии Сяо Жуна равен нулю.

— Понятно, — Бай Цзыянь не удивился. В конце концов, Сяо Жун ещё не пробовал его стряпню. Стоило кому-либо в семье Гу попробовать его еду, как симпатия тут же росла.

Он предвкушал, как Сяо Жун будет выпрашивать его внимание, ползая у ног.

Дядя Фу дождался, пока все уйдут, и вошёл, чтобы забрать остывший куриный бульон.

— Молодой господин, к чему всё это?

Если он не любит Бай Цзыяня, почему просто не выставит его за дверь? Дядя Фу нянчил Гу Чжисиня с детства и сердце его обливалось кровью, видя, как тот страдает после аварии. Его господин был лучшим из лучших, почему же на его долю выпали такие испытания?

С тех пор как появился Бай Цзыянь, все в доме полюбили его больше, чем законного наследника. Если бы не смерть старого господина, положение Гу Чжисиня было бы под угрозой. А сейчас, когда у молодого господина отнялись ноги, многие акционеры Корпорации Гу требовали, чтобы Бай Цзыянь взял управление компанией на себя, пытаясь вытеснить Гу Чжисиня.

Старик ни на секунду не верил, что за этим не стоит Бай Цзыянь. Но как ему удалось так

расположить к себе акционеров? Это было крайне странно.

— Дядя Фу, что вы думаете о Сяо Жуне? — Гу Чжисинь не ответил на вопрос, переводя тему.

Дядя Фу удивлённо поднял брови:

— Парень кажется неплохим, довольно искренним.

Правда, признаваться в чувствах прямо перед Гу Чжисинем было довольно опрометчиво. Если уж он влюбился в молодого господина, стоило действовать постепенно, а не устраивать признание при всех. Как же неловко было его господину!

— Вы считаете его неплохим? — Гу Чжисинь вспомнил, как Сяо Жун подыграл ему, избавив от необходимости пить бульон Бай Цзыяня, и понял, что этот человек куда сложнее, чем кажется.

Зачем тогда он притворялся влюблённым и признавался при всех? Неужели не боялся, что его вышвырнут прочь?

Дядя Фу многозначительно улыбнулся:

— Только что молодой господин Бай пытался обсудить с Сяо Жуном рецепты, но тот осадил его парой фраз, и Бай ушёл с почерневшим лицом.

Дяде Фу парень сразу приглянулся — красивый, да и к их господину подходит. А теперь, увидев, как Сяо Жун холоден к Бай Цзыяню, он решил, что на него можно положиться.

Дядя Фу давно знал, что Гу Чжисиню нравятся парни. Сначала он думал, что тот равнодушен к Хань Чжэюю, и даже пытался их свести, но после того, как Гу Чжисинь неоднократно подчеркнул, что к Хань Чжэюю ничего не чувствует, старик оставил попытки. Теперь, когда старый господин скончался, путь к личному счастью молодого господина стал куда проще. Дворецкий уже начал представлять себе сладкие будни своего господина и диетолога Сяо Жуна.

— Дядя Фу, не думайте лишнего. У Сяо Жуна есть другая задача, — Гу Чжисиню нужен был человек, который оставался бы равнодушным к Бай Цзыяню, иначе многие планы было бы не осуществить.

Бай Цзыянь словно обладал врождённым даром нравиться людям. Когда он только пришёл в дом Гу поваром, весь кухонный персонал души в нём не чаял, а позже его отец случайно узнал о происхождении Бай Цзыяня и чуть было не переписал завещание, чтобы отдать ему акции. Затем появился Хань Чжэюй, который после нескольких визитов в дом Гу переключил всё внимание на Бай Цзыяня.

Дядя Фу разочарованно вздохнул:

— Молодой господин, вы ведь уже не мальчик, вам нужен кто-то, кто будет заботиться о вас, а Сяо Жун совсем неплох...

— В моём нынешнем состоянии, кто на меня посмотрит? — горько усмехнулся Гу Чжисинь.

Он хорошо помнил признание Сяо Жуна при приёме на работу, но нынешний Сяо Жун был совсем другим человеком. Гу Чжисинь не мог не подозревать, что тогдашнее поведение было лишь способом привлечь внимание. В любом случае, за этим человеком стоило понаблюдать.

Дядя Фу смотрел на Гу Чжисиня, и сердце его сжималось от боли. Его господин был так несчастен.

Вернувшись в комнату, Сяо Жун услышал голос Яояо Лю:

— Прошу носителя вытянуть золотой палец для этого мира. Внимание: золотой палец останется с вами как навык в последующих мирах.

Сяо Жун посмотрел на виртуальный барабан на панели системы и небрежно нажал на него.

— Поздравляем, вы получили навык: Иглоукалывание. Навык: первый уровень. Способ повышения: через усердную практику.

Сяо Жун: «...»

Кто заставит новичка практиковаться? Издеваются, что ли?

Он взглянул на сюжетную линию, отображённую на панели, и коснулся её пальцем. Некоторые слова исчезли, а синяя полоска сбоку панели начала медленно уменьшаться.

— Система, что это значит? — Сяо Жун прищурился.

<http://bllate.org/book/24321/2827112>